
pocket**book**

rocket**book**

КАДЗУО ИСИГУРО

*Погребенный
великан*

МОСКВА
2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
И85

Kazuo Ishiguro
THE BURIED GIANT

Copyright © 2015 Kazuo Ishiguro
Copyright © Photo by Jeff C.

Перевод с английского *Марии Нуянзиной*
Художественное оформление *Андрея Старикова*

В оформлении обложки использована иллюстрация
«Идзанаги и Идзанами создают японские острова»
(ок. 1885) художника Кобаяси Эйтаку (1843–1890).

Исигуро, Кадзуо.

И85 Погребенный великан / Кадзуо Исигуро ;
[пер. с англ. М. Нуянзиной]. — Москва : Изда-
тельство «Э», 2016. — 384 с. — (Pocket book).

ISBN 978-5-699-90861-5

Каждое произведение Кадзуо Исигуро — событие в ми-
ровой литературе. Его романы переведены более чем на сорок
языков. Тиражи книг «Остаток дня» и «Не отпускай меня» со-
ставили свыше миллиона экземпляров.

«Погребенный великан» — роман необычный, заворажи-
вающий.

Автор переносит нас в средневековую Англию, когда брит-
ты воевали с саксами, а землю окутывала хмарь, заставляющая
забывать только что прожитый час так же быстро, как утро, про-
житое много лет назад.

Пожилая пара, Аксель и Беатриса, покидают свою дере-
вущку и отправляются в полное опасностей путешествие — они
хотят найти сына, которого не видели уже много лет.

Исигуро рассказывает историю о памяти и забвении, о ме-
сти и войне, о любви и прощении.

Но главное — о людях, о том, как все мы, по большому сче-
ту, одиноки.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

- © Нуянзина Мария,
перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90861-5

Деборе Роджерс
1938–2014

Часть первая

Глава 1

Извилистую тропинку или сонный луг, которыми Англия позже прославилась, вам пришлось бы еще поискать. Вместо них на многие мили вокруг расстилались земли пустынные и невозделанные, изредка перемежавшиеся неторными тропами по скалистым горам или мрачным заболоченным пустошам. Дороги, оставшиеся от римлян, к тому времени в основном либо превратились в сплошные колдобины, либо заросли травой, часто уводя в глухомань и там обрываясь. Над речками и болотами нависал ледяной туман — прекрасное убежище для огров¹, которые в те времена чувствовали себя в этих краях как дома. Люди, жившие по соседству, — остается только догадываться, какое отчаяние заставило их поселиться в таких мрачных местах, — наверняка боялись этих тварей, чье тяжелое дыхание раздавалось из хмари задолго до появления их безобразных туловищ. Но чудовища эти потрясений не вызывали. Наткнуться на огра считалось делом вполне обыденным, так как в те времена было множество других поводов для волнений: как извлечь пропитание из каменистой по-

¹Великаны-людоеды в кельтской мифологии. В противоположность троллям, которые селятся в горах, живут в лесах и на болотах. (Здесь и далее прим. перев.)

чвы, как не остаться без дров для очага, как остановить хворь, которая может всего за один день прикончить дюжину свиней или раскрасить детские щечки зеленоватой сыпью.

В общем, огры больших неприятностей не доставляли, если, конечно, их не беспокоить. Приходилось мириться с тем, что время от времени, возможно, после какой-нибудь таинственной распри с сородичами, разъяренное чудовище вваливалось в деревню и, сколько ни кричи и ни потрясай оружием, бушевало, увеча любого, кто не успел убраться с его пути. Иногда же огр утаскивал в хмарь ребенка. В те времена приходилось философски относиться к подобным бесчинствам.

В одном подобном месте — на краю огромного болота в тени островерхих гор — жили-были пожилые супруги Аксель и Беатриса. Возможно, их звали не совсем так или имена не были полными, но усложнять ни к чему, и именно так мы и будем их называть. Я мог бы сказать, что супруги эти вели жизнь уединенную, но в те дни мало кому удавалось жить «уединенно» в том или ином привычном для нас смысле. В поисках тепла и защиты крестьяне жили в укрытиях, многие из которых были вырыты в склоне холма, соединяясь друг с другом глубокими подземными переходами и крытыми коридорами. Наши пожилые супруги жили в одной из таких разросшихся нор — назвать это домом было бы слишком большим преувеличением — вместе с примерно шестью десятками других обитателей. Если выйти из норы и минут двадцать идти вокруг холма, можно было дойти до следующего поселения, и, на ваш взгляд, оно бы ничем не отличалось от предыдущего. Но сами жители указали бы на множе-

ство отличий, служивших поводом для их гордости или стыда. Мне совсем не хочется создавать у вас впечатление, что в те времена в Британии ничего другого не было, что в эпоху, когда в мире пышным цветом цвели великолепные цивилизации, мы только-только выбрались из железного века. Будь у вас возможность перемещаться по всей стране в мгновение ока, вы, разумеется, обнаружили бы замки с музыкой, изысканными яствами, спортивными состязаниями или монастыри, чьи обитатели с головой ушли в науку. Но ничего не поделаешь. Даже на крепкой лошади в хорошую погоду можно было скакать дни напролет и не увидеть на зеленых просторах ни замка, ни монастыря. В большинстве случаев вы обнаружили бы поселения, подобные вышеописанному, и, если у вас не было лишней еды или одежды, чтобы принести в дар, или вы не были вооружены до зубов, вам вряд ли можно было рассчитывать на теплый прием. Жаль рисовать нашу страну настолько неприглядной, но дела обстояли именно так.

Но вернемся к Акселю и Беатрисе. Как я уже сказал, пожилые супруги жили на самом краю норы, где их кров был мало защищен от непогоды и куда почти не доходило тепло от костра в большом зале, где все обитатели собирались по вечерам. Возможно, было время, когда они жили ближе к огню, — время, когда они жили со своими детьми. Собственно, именно об этом подумалось Акселю, когда в смутный предрассветный час он лежал в постели с крепко спящей подле него женой, и сердце его сжималось от необъяснимого чувства потери, мешая вернуться ко сну.

Возможно, в том и была причина, почему имен-

но в то утро Аксель окончательно встал с постели и тихо выскользнул наружу, чтобы сесть на стоявшую у входа в нору старую покосившуюся скамейку в ожидании первых лучей солнца. Уже пришла весна, но воздух по-прежнему обжигал морозом, не помог даже плащ Беатрисы, который Аксель накинул по пути. Однако он был настолько погружен в свои мысли, что, когда понял, как сильно замерз, звезды уже успели погаснуть, на горизонте занималась заря, а из сумрака слышались первые звуки птичьих трелей.

Аксель медленно встал, сожалея, что так долго просидел на холоде. На здоровье он не жаловался, но не так давно он переболел лихорадкой, оправиться от которой получилось далеко не сразу, и ему не хотелось снова захворать. Ноги у Акселя онемели от сырости, но, уже повернувшись, чтобы вернуться в жилище, он понял, что вполне доволен, потому что этим утром ему удалось вспомнить несколько вещей, которые уже давно от него ускользали. Более того, ему казалось, что он вот-вот примет какое-то важное решение — из тех, что уже очень долго откладывались, — и внутри у него разгорелось возбуждение, которым ему захотелось поделиться с женой.

В коридорах внутри норы было по-прежнему совершенно темно, и небольшое расстояние до двери в свою комнату Акселю пришлось преодолеть на ощупь. Дверями в норе часто служили арки, отделявшие комнаты от коридора. Открытость такого обустройства вовсе не казалась насельникам покусением на их личное пространство, ведь благодаря этому в комнаты попадало тепло, расходившееся по коридорам от большого костра или костров поменьше, какие разрешалось жечь в норе. Однако,

поскольку комната Акселя и Беатрисы находилась слишком далеко от какого бы то ни было костра, там было нечто, что мы могли бы признать за настоящую дверь, — большая деревянная рама с привязанными к ней крест-накрест ветками, вьющимися лозами и чертополохом, которую всякий раз, входя или выходя, приходилось откидывать в сторону, но которая не пускала внутрь холодные сквозняки. Аксель был бы счастлив обойтись без этой двери, но со временем она стала для Беатрисы предметом особой гордости. По возвращении он часто заставлял жену за выдергиванием из этого сооружения пожухших побегов и заменой их на свежие, собранные накануне.

Этим утром Аксель приподнял загородку ровно настолько, чтобы протиснуться внутрь, стараясь шуметь как можно меньше. Тем временем сквозь щели во внешней стене в комнату потек свет ранней зари. Ему удалось разглядеть очертания собственной руки, а на земляной кровати — силуэт Беатрисы, по-прежнему крепко спавшей под толстыми одеялами.

Акселя мучило искушение разбудить жену. Он был почти уверен, что, если бы в этот миг она бодрствовала и говорила с ним, какие бы препятствия ни оставались между ним и его решением, они бы окончательно рухнули. Однако до всеобщего пробуждения и начала рабочего дня оставалось еще немного времени, поэтому он уселся на низкий табурет в углу комнаты, продолжая кутаться в женин плащ.

Акселю стало любопытно, насколько густой окажется утренняя хмарь и не увидит ли он с рассветом, что она сочится сквозь трещины прямо к ним в комнату. Но потом его мысли поплыли прочь, обратно к тому, что их занимало. Всегда ли они жили вот

так, вдвоем, на отшибе от остальных? Или когда-то все было по-другому? Откуда-то извне к Акселю вернулись обрывки воспоминаний: краткий миг, когда он шел по длинному главному коридору норы, обняв за плечи одного из своих детей, при этом он слегка прихрамывал, но не из-за возраста, как сейчас, а просто потому, что старался в полумраке не удариться головой о балки. Наверное, ребенок только что говорил с Акселем, рассказал ему что-то забавное, и они оба смеялись. Но теперь, совсем как тогда, когда он сидел снаружи, у него в голове все кружилось, и чем больше он пытался сосредоточиться, тем бледнее становились обрывки воспоминаний. Возможно, это были всего лишь видения старого дурака. Может, дело было в том, что Господь так и не дал им детей.

Вы спросите, почему Аксель не обратился к соседям по деревне, чтобы те помогли ему вспомнить все, но это было не так просто, как могло показаться на первый взгляд. Потому что у них в общине прошлое обсуждали редко. Я не хочу сказать, что на него было наложено табу. Просто оно каким-то образом растворилось в хмари, такой же густой, как та, что висела над болотами. Жителям деревни просто не приходило в голову думать о прошлом, даже самом недавнем.

Вот, например, что долго не давало Акселю покоя: он был уверен, что не так давно среди них жила женщина с длинными рыжими волосами и что в деревне ее очень почитали. Стоило кому-нибудь пораниться или заболеть, тут же посылали за рыжеволосой, которая была сведуща во врачевании. Но теперь женщины пропал и след, и никто, похоже, не стремился узнать, что с нею случилось, и даже не вы-

казывал сожаления о ее отсутствии. Когда однажды утром Аксель заговорил о ней с тремя соседями, вместе с которыми разбивал в поле мерзлые комья земли, их ответ убедил его, что они искренне не понимают, кого он имеет в виду. Один даже прервал работу, силясь вспомнить, но в конце концов покачал головой:

— Наверное, это было очень давно.

— Я тоже не помню такой женщины, — сказала Беатриса, когда он однажды вечером заговорил с ней об этом. — Может быть, Аксель, ты намечтал ее себе для собственной нужды, хотя у тебя под боком жена, чья спина будет попрямее твоей.

Разговор этот случился прошлой осенью, и супруги лежали рядом на кровати в крошечной тьме, слушая, как по их кровле барабанит дождь.

— Верно, ты с годами почти не постарела, принцесса. Но та женщина — никакая не выдумка, и ты сама ее вспомнишь, если чуть призадумашься. Не далее как месяц тому назад она стояла у нашей двери, добрая душа, и спрашивала, не принести ли нам чего. Ты точно это помнишь.

— Но с чего это ей вздумалось что-нибудь нам принести? Она что, нам родня?

— Не думаю, принцесса. Она просто была добра. Ты не можешь не помнить. Она часто подходила к нашей двери спросить, не замерзли ли мы и не голодны ли.

— А почему она именно к нам приставала со своей добротой?

— Я сам тогда об этом подумал, принцесса. Помнится, я говорил себе: вот женщина, чья забота — лечить больных, а ведь наше с тобой здоровье ничуть не хуже, чем у любого из деревни. Может,

поговаривают о приближении чумы, и она пришла нас осмотреть? Но выяснилось, что никакой чумы нет и в помине и что она просто была к нам добра. Сейчас, когда мы заговорили о ней, мне вспоминается еще больше. Она стояла вон там и говорила, чтобы мы не обращали внимания на то, как дети нас обзывают. Вот и все. И с тех пор мы больше ее не видели.

— Эта рыжеволосая женщина не просто плод твоих снов, Аксель, она к тому же дура, потому что ее волнуют дети да детские забавы.

— Именно так я тогда и подумал, принцесса. Какой вред могут причинить нам дети, которые всего лишь укрылись от бушующей за стеной непогоды. Я сказал ей, что мы даже не обратили на них внимания, но она все повторяла то же самое. И еще я помню, как она жалела, что нам приходится коротать ночи без свечи.

— Если это создание пожалело нас за то, что у нас нет свечи, — ответила Беатриса, — по крайней мере, она хоть в чем-то оказалась права. Какое оскорбление лишать нас свечи в такие темные ночи, когда руки у нас ничуть не слабее, чем у любого другого. И это при том, что некоторые из тех, у кого свечи есть, валяются каждую ночь пьяные от сидра, или у них есть дети, которые частенько устраивают кавардак. Но свечу-то забрали у нас, и теперь я едва вижу твой силуэт, Аксель, хоть ты и сидишь прямо рядом со мной.

— Никто не хотел оскорбить нас, принцесса. Так уж все устроено с начала начал, вот и все.

— По крайней мере, не только женщине из твоего сна кажется странным, что у нас забрали свечу. Вчера или позавчера, не помню точно, я ходила на

реку и прошла мимо прачек, которые говорили — можешь поверить, я слышала их разговор, когда они думали, что я уже далеко, — какой это позор, что такие достойные супруги, как мы, вынуждены каждую ночь сидеть в темноте. Так что не только приснившаяся тебе женщина так думает.

— Говорю тебе, принцесса, она мне не приснилась. Еще месяц назад все здесь были с ней знакомы и готовы были перемолвиться с ней добрым словом. Что же это такое, отчего все, даже ты, забыли, что она здесь жила?

Весенним утром, вспоминая тот разговор, Аксель был почти готов признать, что ошибался насчет рыжеволосой. В конце концов, он был всего лишь стариком, у которого временами ум за разум заходит. Однако тот случай с рыжеволосой был всего лишь одним из длинной вереницы похожих загадочных происшествий. К своему отчаянию, он не мог сразу вспомнить еще примеры, но их, несомненно, было множество. Вот взять хоть историю с Мартой.

В деревне была девочка лет девяти-десяти, которая славилась бесстрашным нравом. Сколько бы сказок ни рассказывали ей о том, что бывает с заблудившимися детьми, ее тяга к приключениям не ослабевала. Поэтому однажды вечером — до заката оставалось меньше часа, уже наполнила хмарь, и на склонах гор слышался волчий вой, — когда кто-то пустил слух, что Марта пропала, все в тревоге побросали свои дела. Ее долго окликали по всей норе, а по коридорам раздавались шаги селян, обыскивавших каждую спальную комнату, кладовые, пустоты за стропильными балками, каждый укромный уголок, куда девочка могла бы забраться из шалости.

Потом, в самый разгар паники, в большой зал

вошли два пастуха, вернувшиеся со смены в горах, и сели греться у очага. Пока они грелись, один из них объявил, что накануне они видели, как у них над головой пролетел крапивник, сначала один раз, потом второй, потом третий. Никакой ошибки, это действительно был крапивник. Слух быстро облетел нору, и вскоре вокруг очага собралась целая толпа, чтобы послушать пастухов. Даже Аксель поспешил туда, потому что появление у них в краях крапивника было большой новостью. Помимо прочего крапивникам приписывали способность отпугивать волков, и, если верить молве, стоило им где-нибудь появиться, как волки в тех краях исчезали напрочь.

Поначалу пастухов забрасывали вопросами и заставляли повторять рассказ снова и снова. Но постепенно слушателей стали одолевать сомнения. Кто-то заметил, что похожие истории рассказывали уже много раз, но они постоянно оказывались выдумками. Другой заявил, что не далее как весной прошлого года те же пастухи рассказывали то же самое, но птиц никто так и не видел. Пастухи сердито отрицали, что когда-нибудь раньше приносили подобные вести, и вскоре толпа разделилась на тех, кто занял сторону пастухов, и тех, кто якобы помнил, как в прошлом году произошел похожий случай.

В разгар ссоры у Аксея возникло знакомое ноющее чувство, будто что-то идет не так, и, выбравшись из крика и давки, он вышел наружу посмотреть на темнеющее небо и стелющуюся по земле хмарь. Через какое-то время обрывки в его сознании стали складываться в единое целое, вызывая в памяти пропавшую Марту, опасность и то, как совсем недавно все были заняты поисками девочки. Но эти воспоминания тут же спутывались, совсем как сон

спустя пару секунд после пробуждения, и Аксель удержал мысль о маленькой Марте только великим усилием воли, а тем временем голоса у него за спиной все спорили о крапивнике. Потом, не сходя с места, он услышал детский голосок, напевавший песенку, и увидел, как перед ним из хмари вынырнула Марта.

— Ну и странная же ты девочка, дитя мое, — сказал Аксель, когда она вприпрыжку подошла к нему. — Разве ты не боишься темноты? Или волков с ограми?

— О, сэр, я их боюсь, — ответила она с улыбкой, — но я умею от них прятаться. Надеюсь, родители про меня не расспрашивали. На прошлой неделе я нашла отличный тайник.

— Не расспрашивали? Разумеется, расспрашивали. Разве вся деревня тебя не ищет? Послушай, какой внутри переполох. Это все из-за тебя, дитя мое.

Марта рассмеялась:

— О, сэр, перестаньте! Я знаю, что они меня не хватились. И вовсе не обо мне там кричат.

Стоило ей это сказать, как Аксель понял, что девочка права: голоса внутри спорили вовсе не о ней, а о чем-то, не имевшем к ней никакого отношения. Он нагнулся к дверному проему и прислушался — и, уловив в гуле возбужденных голосов отдельную фразу, вспомнил о пастухах с крапивником. Пока он раздумывал, следует ли объяснить Марте, в чем, собственно, дело, она вдруг прошмыгнула мимо него и вошла внутрь.

Аксель последовал за ней, предвкушая облегчение и радость, которые вызовет ее появление. И, говоря по правде, ему пришлось в голову, что если